

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОПЬЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

За последние десятилетия среди исследователей наметилась устойчивая тенденция перехода от чисто «вещеведческого» подхода в изучении археологических древностей к реконструктивному. Особым направлением стало воссоздание воинского вооружения и костюма. Значительные успехи в этом направлении достигнуты исследователями вооружения и военного дела в Сибири А. И. Соловьевым и А. П. Зыковым (Соловьев 1987; Зыков 2008). Они сделали важный шаг в углублении археологического познания от изучения предмета к изучению человека.

Все ли такие попытки идеально достоверны и бесспорны? Пожалуй, нет, и сейчас, возможно наступает период углубленного воссоздания исторических реалий прошлого. Своей статьей мне бы хотелось добавить некоторые археологические данные для такой работы.

Одним из типичных и обязательных предметов вооружения западно-сибирских воинов эпохи Средневековья, по мнению исследователей, является копье, принадлежащее к классу копий с «втульчатым» насадом. Тот факт, что копья бытовали в данную эпоху, не вызывают сомнения. Тем не менее остается неразрешенным ряд во-

просов, связанных с использованием и бытованием такого оружия: каков был его статус, какие типы копий и насколько широко были распространены у таежного населения Северной Сибири?

Изначально следует заметить, что на территории всей Западной Сибири находки копий (в частности железных наконечников к ним) эпохи Средневековья довольно редки. Так, в обобщающей монографии А. И. Соловьева на 1987 г. учтено 45 экз. «втульчатых» наконечников копий и лишь 4 экз. «черешковых». Точных данных о месте нахождения последних не приведено, а хронология группы изделий определена широко — в пределах XVI–XVII вв. (Соловьев 1987: 98–100, рис. 34).

В настоящее время, из публикаций и архивных источников, на территории северной части Западной Сибири нам известно не более тридцати пяти наконечников в хронологическом интервале со II по XVIII в. В диссертационной работе А. П. Зыкова учтен 31 экз. наконечников копий, из них 19 экземпляров принадлежат к группе наконечников копий с «втульчатым» насадом, и лишь 12 отнесены к «черешковым» (Зыков 2008: 17). По результатам металлографического анализа значительная часть «втульчатых» наконечников

может быть отнесена к предметам импортного происхождения, а наконечники с уплощенным насадом «черешковым» связаны с местным кузнечным производством (Зыков 2008: 17–18). Мы рассмотрим именно последние. На территории Северо-Западной Сибири они появляются не ранее XI–XII вв. и получают наибольшее распространение в XV–XVIII вв., когда, практически полностью исчезают «втульчатые» наконечники. Это позволяет выделить наконечники копий с уплощенным насадом («черешковые») как специфическую группу, характерную для культуры позднесредневекового аборигенного населения Западной Сибири.

На сегодняшний день в нашем распоряжении имеются сведения о 14 наконечниках копий с уплощенным насадом «черешковых», но описания лишь пяти из них снабжены рисунками (рис. 1; 2, 1–5).

К группе наиболее ранних находок (XI–XIII вв.) относятся 5 наконечников. Один происходит из погребения № 83 Сайгатинского I могильника, один с селища Нижний Кучук I, два происходят из погребения № 21 Сайгатинского IV могильника, а еще один найден при случайных обстоятельствах в пос. Кондинском. В целом эту группу характеризуют небольшие размеры: длина не превышает 18–23 см., а ширина — 2–4 см (Зыков 2008: 16). Небольшие размеры, сопоставимые с размерами наконечников стрел, не позволяют однозначно отнести их к копьям, поскольку подобные наконечники могли быть использованы для сторожевых луков на крупного зверя.

Тем не менее среди ранних находок имеется один экземпляр, который выделяется своими размерами. Этот на-

конечник копья происходит с территории Среднего Приобья. Он обнаружен в 1986 г. при исследовании могильника Сайгатинский IV (Терехова, 1986). Некрополь расположен в 40 км к западу от города Сургут на правом берегу р. Обь на пойменном острове (рис. 1). В погребении № 21, по инвентарю, характеризующемуся как мужское, поверх правой руки был обнаружен наконечник копья длиной 39,5 см (сохранившаяся часть) и шириной 6 см. (рис. 2, 1). По вещевому комплексу захоронения и общей датировке группы погребений наконечник датирован XIII в. (Чемякин, Карачаров 2002: 63, рис. 20, 17).

От конца XIV и XV вв. известно три наконечника копий с широким удлинено-треугольным пером ромбического сечения и удлинённым плоским насадом. Два из них происходят из погребений № 155 и 259 могильника Сайгатинский IV, а еще один обнаружен при обследовании Ионинского могильника, расположенного к западу от урочища Сайгатино (рис. 1). По данным А. П. Зыкова, длина наконечников 21–39 см, а ширина 4–7 см.

Следующий по хронологии наконечник также происходит с территории Среднего Приобья из погребально-го комплекса могильника Усть-Балык. Этот некрополь расположен в 15 км к югу от города Нефтеюганска на левом берегу р. Юганская Обь на пойменном острове в дельте р. Бол. Балык (рис. 1). Памятник исследовался в 1982–1986 гг. экспедицией тюменского краеведческого музея под руководством В. И. Семеновой (Семенова 2001). В погребении № 116 был захоронен мужчина в возрасте 50 лет (Семенова 2001: 212). На груди погребенного находился наконечник

копья длиной 43 см (сохранившаяся часть) и шириной 7,5 см (рис. 2, 2) По сопутствующему вещевому комплексу предмет датирован XV–XVI вв. (Семенова 2001: 45, рис. 12, 7).

В хронологическом интервале XVII–XVIII вв. нам известно четыре наконечника. Один экземпляр обнаружен Дмитриевым-Садовниковым в могиле XVII–XVIII вв. у села Ларьякского (Нижевартовский р-н ХМАО) на р. Вах. Он был передан в 1914 г. в Тобольский губернский музей (в настоящее время ТГИАМЗ) и описан А. П. Зыковым. Его длина 33,4 см, длина пера 21,5 см, ши-

рина 5,7 см. К сожалению, более подробные сведения об условиях находки и его рисунок отсутствуют.

Следующий аналогичный наконечник был обнаружен при раскопках ритуального комплекса Халято I, расположенного в левобережье р. Ясавей-яха (левый приток р. Юрибей) на п-ве Ямал в Ямальском районе ЯНАО. Исследования производились в 1990 г. археологической экспедицией ТГПИ под руководством А. В. Соколкова. Ритуальный комплекс находился на шестиметровом холме, расположенном на северном берегу оз. Халято (рис. 1). Комплекс вклю-

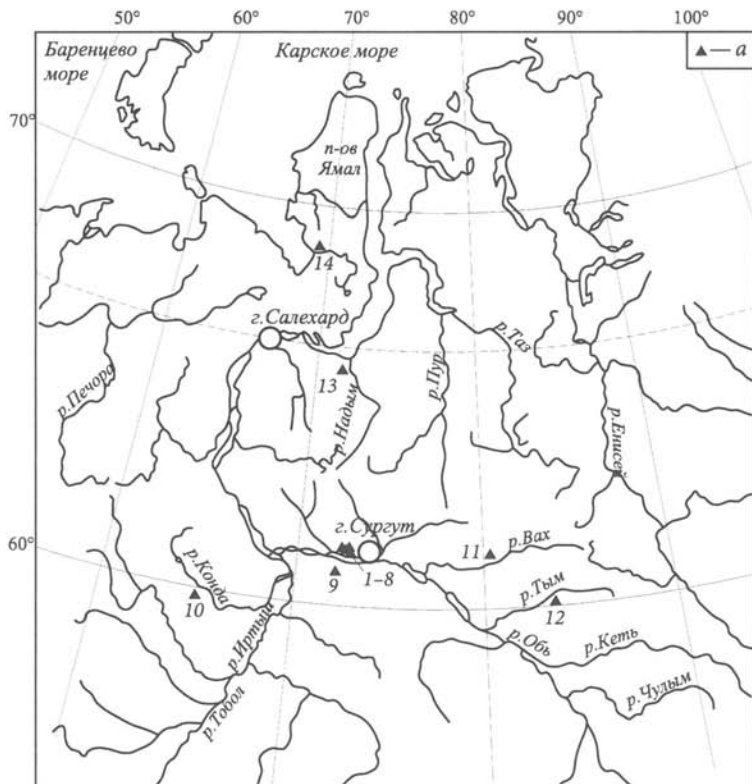

Рис. 1. Схема распространения находок наконечников копий с уплощенным насадом «черешковых» на территории Северо-Западной Сибири:

1–8 — могильники Сайгатинский I, Сайгатинский IV, Ионинский, 9 — могильник Усть-Балык, 10 — находка у пос. Кондинский, 11 — могильник у села Ларьякского, 12 — могильник Пыль-Карамо I, 13 — Надымский городок, 14 — ритуальный комплекс Холято I

чал жертвенное место, представлявшее собой большое скопление оленьих костей, черепов и рогов, располагавшихся по кольцу вокруг антропоморфной фигурки выполненной из бивня мамонта, и одиночное погребение близ неё. В погребении (судя по инвентарю, мужском) был обнаружен наконечник копья длиной 44 см и шириной 4 см (рис. 1; 2, 3). На основании комплекса находок, обнаруженных в захоронении, наконечник датирован в пределах XVII — начала XVIII в.

Еще один наконечник копья с уплощенным насадом был найден при раскопках селькупского могильника Пыль-Карамо I. Памятник расположен в сред-

нем течении р. Тым (правый приток р. Обь) в Каргасокском р-не Томской обл. (рис. 1). В погребении № 6, судя по инвентарю, был захоронен взрослый мужчина. Погребенный был покрыт берестяным полотнищем, на котором размещался оружейный комплекс. Наконечник длиной 29 см и шириной 4,5 см располагался слева от головы и, очевидно, был помещен в склеп вместе с древком (рис. 1; 2, 4). Это обстоятельство позволяет определить общий размер копья в пределах 1,8–1,9 м. (Кондрашов 2002: 65–66, рис. 2: 3). По вещевому комплексу группы исследованных могил наконечник был отнесен к периоду XVII–XVIII вв. (Кондрашов 2002: 67).

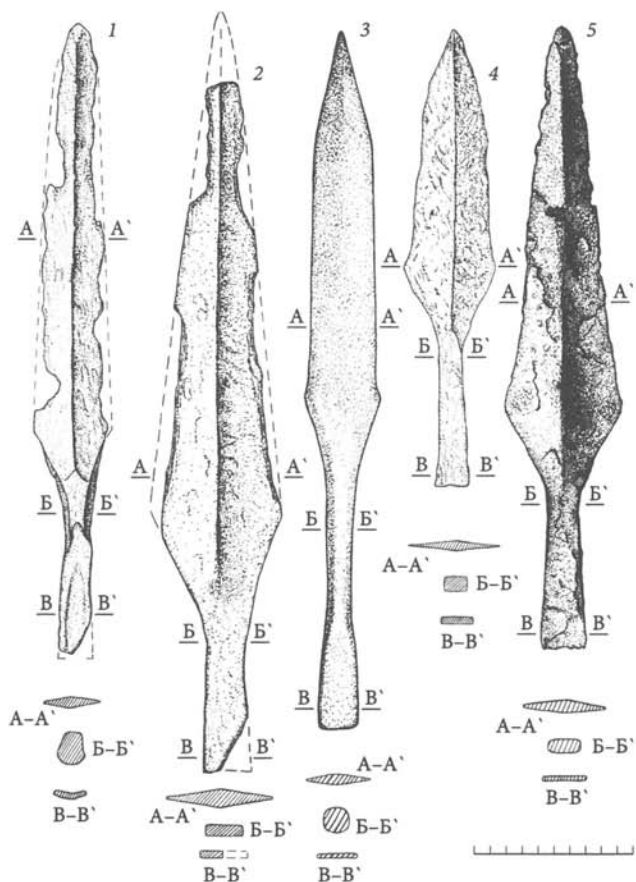

Рис. 2. Наконечники копий с уплощенным насадом с территории Северо-Западной Сибири:

1 — могильник Сайгатинский IV (погр. № 21), 2 — могильник Усть-Балык (погр. № 116), 3 — ритуальный комплекс Холято I, 4 — могильник Пыль-Карамо I (погр. № 6), 5 — Надымский городок, «клад» оружия. Ситуационный план культового места Холято I

Последний из группы «черешковых» наконечник копья был обнаружен автором в 2003 г. при комплексном археологическом изучении Надымского городка (рис. 1). Памятник расположен на пойменном острове в дельте р. Надым близ южного побережья Обской губы в 60 км к северу от г. Надым (ЯНАО). Наконечник входил в составклада холодного оружия, залегавшего в слое дерна на южной многофункциональной площадке городка (Кардаш 2005: 31–36). Основное назначение площадки, по ряду признаков, в частности наличию большого кострища, окруженного двумя кольцами черепов оленя и рогов, определено как ритуальное. Обнаруженный железный наконечник копья имел перо в форме удлиненного треугольника ромбического сечения и плоский черенок (рис. 2, 5). Длина наконечника 39 см, ширина 7,5 см (Кардаш 2006: 126, табл. 2, II). Предполагается, что клад оружия был захоронен в 1729 г. при осаде городка, после которой поселение прекратило свое существование.

Из приведенного выше описания можно сделать ряд выводов. Во-первых, «черешковые» копья входят в состав инвентаря относительно богатых захоронений взрослых мужчин, интерпретируемых как «воинские». Во-вторых, прослеживается определенная связь таких погребений (и соответственно описанных предметов) с ритуальными комплексами. В-третьих, такие копья вряд ли имели длинное древко и, скорее всего, их общий размер не превышал 2 м. На основании этих наблюдений, учитывая редкость распространения, можно сделать вывод об элитарности данного типа оружия.

По мнению А. П. Зыкова, основным оружием средневековых воинов Северо-Западной Сибири были луки и стрелы. В условиях преимущественно дистанционных сражений в лесной местности копья становились неудобным вспомогательным оружием для лучников, у которых при стрельбе заняты обе руки: для них удобнее было бы оружие, носимое в ножнах на поясе или за спиной, — сабли, палаши, рубильные и боевые ножи, топоры (Зыков 2008: 16–17). Это логически обоснованное и вполне справедливое мнение объясняет далеко не все.

В значительной степени дополняет и позволяет интерпретировать отдельные стороны использования копий с уплощенным насадом в позднем Средневековье анализ серии деревянных моделей наконечников копий XVI — первой трети XVIII в., обнаруженных при раскопках Надымского городка. За десять лет исследований, с 1998 по 2007 г., проводившихся также под руководством автора, в культурном слое памятника обнаружено более 10 экземпляров целых деревянных моделей наконечников копий и фрагментов таких моделей, что сопоставимо с количеством всех известных на территории Северо-Западной Сибири железных наконечников рассматриваемого типа (рис. 3, 1–9).

Деревянные модели — это копии бытовавших в тот же период железных наконечников. Большинство деревянных наконечников были выполнены в натуральную величину железных оригиналов. Причем следует обратить внимание, что именно наконечников, а не просто древков с вырезанным наконечником, поскольку зафиксировано, что для отдельных изделий древко изготов-

ливалось отдельно (рис. 3, 1, 2). Это обстоятельство определяет особое отношение именно к наконечнику копья как некоему особо значимому предмету.

Некоторые деревянные модели сломаны и имеют следы забитости и ударов (рис. 3, 9). Можно предполагать, что их использовали для имитации поединков и, скорее всего, «сражения» могли воспроизводить дети. Вместе с тем есть отдельные наконечники, которые имеют орнамент и крепились к древку как настоящие копья (рис. 3, 1). Не исключено, что их применение могло быть ритуальным.

Отдельные модели наконечников не монтировали в древко и использовали отдельно (рис. 3, 2). Если соотнести этот факт с зафиксированным у жителей Надымского городка процессом имитации кузнечного производства при помощи деревянных клещей, молотков и напильников, то можно предположить, что моделировался и сам процессковки копья. Вероятно, эта процедура также имела большое значение, и с ней связано длительное сохранение формы изделия.

Важность процесса изготовления наконечников с уплощенным насадом для жителей Севера косвенно подтверждается исчезновением к XVII в. из традиционной культуры наконечников копий с «втульчатым» насадом, которые параллельно бытовали в XI–XV вв. Это действительно не совсем понятно, поскольку в период активной русской колонизации региона (XVI–XVII вв.) местные жители, в обмен на «пушнину», могли получить от частных промышленников и торговцев русские кузнечные изделия любой формы. Тем не менее этого не происходило. Средневековые кузницы продолжали выко-

вывать наконечники специфической формы, что само по себе может свидетельствовать об особых причинах воспроизводства формы.

Отчасти раскрыть причины особого отношения именно к этому типу холодного оружия помогут этнографические данные. У нганасан в обряде сватовства при совершении «сговора» атрибутом свата служил посох (чере) в форме полутораметровой палки с Т-образным металлическим или костяным навершием или обычное копье, символизирующее угрозу конфликта со стороны свата в случае отказа отдать невесту (Семейная обрядность 1980: 45, Народы Западной Сибири 2005: 604). У эвенков при сватовстве использовалась палма (копье) на длинном деревянном древке, которую сват втыкал посреди жилища перед началом переговоров (Семейная обрядность 1980: 55–56). Оба факта, зафиксированные в XIX–XX вв. у аборигенных народов Севера, можно охарактеризовать как рудиментарное использование предмета вооружения, определяющего статус и полномочия владельца, в данном случае представителя одного рода, ведущего переговоры с представителями другого рода. Это обстоятельство позволяет предполагать, что в позднем Средневековье копье могло определять статус владельца в более широком смысле.

Подтверждением этого предположения могут служить сведения из культуры южных ханты, в частности юганских, у которых до настоящего времени существует культ Ягун-ики — Юганского мужа. Этот персонаж религиозного пантеона персонифицируется местными жителями в образе военного вождя — легендарного косматого бога-

тыря. Как было положено таежному богатырю, у Ягун-ики была своя свита, которая повсеместно сопровождала его в поездках по своей территории и за ее пределами. Впереди находился Янг-тор-имиин-ики-пахтын — Ледяного озера мужчины и женщины сын, а сзади, спиной к Ягун-ики, располагался Вонт-ики — лесной муж. Они считались и почитались как его телохранители и оруженосцы. Передний связывался с духами водного мира, а задний с духами леса. Оба персонажа неотступно сопровождали Ягун-ики. Они не носили луки, а только стрелы и копья (Ивасько, Кардаш 2000: 274–275).

Кроме этих сведений во время своего пребывания в юртах Каюковых на оз.

Бол. Каюково нам сообщили, что местный житель А. Н. Каюков долгое время был хранителем священной скульптуры Ягун-ики и его атрибутов. Одним из них было копье. Во время повторной поездки нам показали железный наконечник копья на медведя (?) которое, кстати, также принадлежит к типу «черешковых» (рис. 4). Предположительно именно оно почиталось как атрибут Ягун-ики, но осталось по какой-то причине в юртах, после возвращения священной скульптуры в юрты Каюковы на р. Большой Юган.

Приведенные археологические и этнографические данные позволяют охарактеризовать позднесредневековые копья с уплощенным насадом как пред-

Рис. 3. Надымский городок 1–9 — деревянные модели наконечников копий с уплощенным насадом «черешковых» из слоя XVI — первой трети XVIII в.

Рис. 4. Юрты Каюковы (оз. Бол. Каюково). Железный наконечник копья (на медведя?). Возможно, принадлежало местному божеству Ягун-ики

мет элитного вооружения. Тем не менее остается нерешенным вопрос о специфической форме наконечника. В качестве гипотезы можно предположить, что такая форма ассоциировалась с архаической формой черешковых каменных стрел, дротиков и копий, которые ассоциировались у коренного населения Северо-Западной Сибири с «громовыми стрелами» божества-громовержца. В «Былине про богатырей города Эмдер», записанной С. К. Паткановым в конце XIX в. на р. Иртыш, кондинские воины «вознеслись к Золотому Свету, своему отцу, и поразили обоих эмдерских мужей, пустив на них в виде грома каменные стрелы» (Патканов 2003: 295). По материалам исследований В. Н. Чернецова, у манси Северной Сосьвы торум санкв (божий наконечник, божий клин) считался оружием Чахил Торума — божества грома и молнии, младшего брата

верховного божества Нуми Торума (Источники по этнографии 1987: 36–39).

Сакральное происхождение архаичной формы предмета могло обусловить ее неизменное воспроизводство на протяжении длительного времени, что позволяло маркировать привилегированный статус как самого предмета, в частности копья, так и его владельца.

В заключение можно еще раз подчеркнуть, что на территории Северо-Западной Сибири в позднем Средневековье копьё с «черешковым» наконечником было специфическим элитным предметом вооружения. Скорее всего, такое копьё могло принадлежать лишь общинным, родовым вождям или их ближайшему окружению. Наличие такого копья, вероятно, маркировало владельца как члена общины, выполняющего важные общественные функции, в том числе — ритуальные.

Литература

Зыков 2008 — Зыков А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 2008.

Ивасько, Кардаш 2000 — Ивасько Л. В., Кардаш О. В. Религия // Салымский край. Екатеринбург. 2000.

Источники по этнографии 1987 — Источники по этнографии Западной Сибири. Томск. 1987.

Кардаш 2005 — Кардаш О. В. Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998–2003 годов // Обдорья. История, культура, современность. Салехард. 2005.

Кардаш 2006 — Кардаш О. В. Вооружение воина Северо-Западной Сибири XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского и Обдорского городков) // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Том II. Новосибирск. 2006.

Кондрашов 2002 — Кондрашов А. Н. Материалы исследований грунтового могильника Пыль-Карамо 1 и поселения Усть-Порос на севере Томской

области // *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири.* Екатеринбург. 2002.

Народы Западной Сибири 2005 — Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М. 2005.

Патканов 2003 — Патканов С. К. Сочинения в пяти томах. Т. 5. Тюмень. 2003.

Семейная обрядность 1980 — Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М. 1980.

Семенова 2001 — Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск. 2001.

Соловьев 1987 — Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск. 1987.

Терехова 1986 — Терехова Л. М. Отчет о НИР: Отчет о раскопках в районе пос. Сайгадино Сургутского района Тюменской области в 1986 г. Т. 1. Екатеринбург, 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11431.

Челякин, Карачаров 2002 — Челякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // *Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу).* 2-е издание, исправленное и дополненное. Екатеринбург. 2002.

LATE MEDIAEVAL SPEARS FROM NORTH-WESTERN SIBERIA

O. V. Kardash

This paper is a publication of archaeological finds of tanged spearheads of the 11th–18th century used by the indigenous population of West Siberia. At least fourteen objects of that kind are now known. In addition, during the excavations of Nadym'sky Gorodok, over ten wooden models of similar spearheads made of actual size have been recovered. These all are dated to the 16th–first third of the 18th century. The author supposes that in West Siberia during the late mediaeval epoch, spears with tanged spearheads belonged to communal or tribal chieftains or to their close circles.